ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ В ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ (Тохимондо)

Исида Байган

Однажды мой земляк, приехав из деревни, сказал так:

«Недавно, когда я навещал родственников в Киото, случайно встретил одного ученого, и во время разговора до меня дошел слух о тебе. Поэтому я и захотел тебя увидеть и навестить. Как я слышал в деревне до того, ты читаешь лекции по "Малому учению" и тому подобное, собрал некоторое число последователей, это в тайне меня беспокоит. Кстати, этот ученый говорил, что ты, принадлежишь к "еретической школе", не являешься конфуцианцем. Тогда я спросил, в чем состоит ересь. Ответ был примерно таким: "Ересь – это то, что не соответствует пути совершенномудрых. Такие люди (еретики. – *Л.К.*) под видом конфуцианского учения создают особое учение собственного направления, вводят в заблуждение дураков, ведя великие споры, как будто познают истинную природу[1] человека, как будто познают сердце. Такие вещи, как познание истинной природы человека были делом совершенномудрых и мудрецов древности, для современного же человека это абсолютно недоступно!» Услышав это объяснение, я подумал, что обман людей – это еще более тяжкое преступление, чем разбой или грабеж. Поэтому мне стало очень грустно, и поэтому я завел этот разговор. Если бы ты хотя бы вернулся в деревню, то просто прокормиться не составило бы труда. [Но] вводить в заблуждение людей, чтобы прокормиться, постыдно. Что ты об этом думаешь?

Ответ: Спасибо за теплые слова. Прежде всего я объясню, с какой целью я проповедую свое учение. У Мэн-цзы говорится: "Для человека существует такая вещь как Путь. Если не следовать учению о человеческом Пути (обильно не есть, не носить теплую одежду, не развлекаться), то можно приблизиться к пути зверей. Совершенномудрый император Шунь, будучи обеспокоен этим, принял на службу учителей, чтобы те распространяли его заповеди для подданных, наставляли людей на человеческий путь. Его содержание состоит в следующем: родители и дети [должны] чтить родственные чувства, государь и подданные [должны] ценить справедливость, супруги [должны] распределять обязанности, старые и молодые [должны] уважать порядок в отношениях между высшими и низшими, друзья должны взаимно доверять друг другу" (Тэнский Вэнь-гун, часть 1)[2]. Эти пять дел могут быть исполнены, они суть благо учения. Попробуем понять, что собой представляло учение людей древности. В "Луньюе" тоже говорится: "Вообще в основе дел и вещей важна концентрация усилий" (Сюэ-эр). Исток человеческого Пути – это то, что испускается Небом, это основа благого сердца, исполненного милосердием, справедливостью, этикетом и мудростью. Мэн-цзы также говорил следующее: "Кроме пути учения нет другого. Лишь только утраченное изначально благое сердце надлежит искать" (Цзы-сы, часть

© Л.Б. Карелова, перевод, 1995.

1). Хорошо, когда познав смысл этого и глядя на деяния совершенномудрых, следуют их примеру. Человеком, достигшим совершенства на пути монарха, был Яо. Человеком, достигшим совершенства на пути подданного, был Чжоу Гун[3]. Человеком, достигшим совершенства на пути учения, был великий совершенномудрый Кун-цзы. По словам Мэн-цзы, эти люди, следуя своей изначальной природе, жили вместе с Небом над головой и Землей под ногами. Такие совершенномудрые достигали пределов человеческого пути. Если глядя на дела этих высоконравственных людей, учиться у них, изучать пятеричный путь человека, познавать распределение обязанностей, возложенных Небом на людей, и прилагать все усилия для исполнения их, то каждый человек станет достойным, в семьях установится порядок, страна будет хорошо управляться, и на земле воцарится мир. Мэн-цзы говорил: "Следуя образу действия древних царей, не примешь неверных решений" (Мэн-цзы, Ли Лоу, 1). И еще [он] говорил: "В мире такая вещь как изначальная человеческая природа – это принадлежность лишь совершенномудрых. Следование прецедентам – основа всех дел и вещей" (Ли Лоу, 2). То, что называется изначальной природой и присуще всему, начиная с людей и вплоть до зверей, трав и деревьев, это есть принцип, дарованный Небом в момент рождения. Сосна зеленеет, вишня цветет, те, кто имеет крылья, летают по небу, те, которые имеют чешую, плавают в воде, солнце и луна пребывают на Небе – все это есть их принципы"[4]. Наблюдая смену времен года в прошлом году, можно познать изменение времен года в настоящем году, наблюдая дела, происходившие вчера, поймешь события, происходящие сегодня. Точно также познав прецеденты, можно постичь изначальную природу мира. В "Чжунюне" также сказано: "Небесное веление[5] – есть изначальная природа, нет иного пути, кроме следования изначальной природе". Не познав изначальную природу, невозможно ей следовать. Познание изначальной природы – главная цель учения. То, что я говорю, не есть нечто странное. Яо и Шунь – оба длительное время служат примером для людей, так как они следовали изначальной природе. Поэтому учение начинается с познания сердца. Поскольку дела обстоят подобным образом, не может быть глубокого учения без специальной постановки вопроса о человеческом сердце и изначальной природе. Сердце – хозяин человеческого тела. Тело без хозяина – это то же самое, что труп, выброшенный в горах. Этот хозяин намеревается учить людей, в чем же здесь ересь?..

...В том, что ты говоришь, будто у меня нет учения, заключен такой смысл, что я не знаком с книгами, не так ли?

Односельчанин: Да.

Ответ: Как я слышал, великий просветленный эпохи Тан Хуэй-нэн не знал ни одного иероглифа. Несмотря на это, если считать от основателя Дармы[6], стал шестым предводителем секты дзэн, даже говорят, что учение дзэн сохранилось до сих пор, благодаря Хуэй-нэну... Путь совершенномудрых исходит из сердца. Даже не зная иероглифов, можно исполнять сыновний долг, демонстрировать верность императору, быть связанным дружбой. Кроме того, императоры древности, не ведавшей письменности, Фуси и Шэнь-нун[7] считаются совершенномудрыми. Если

ты, исчерпав в познании сердце, можешь осуществлять на практике пятеричный путь человека, то хоть и не знаешь ни единого иероглифа, тебя можно назвать подлинным ученым. Это не все. Люди, создавшие книжное учение, вероятно, были прекрасными людьми, сочетавшими мудрость и сердечные качества. Обычные люди этого сделать не могли... В учении совершенномудрых главное – практика[8], а изучение литературы – дело второстепенное (досл. – ветви и листья).

Односельчанин: Если нет никакой специальной теории, что же ты понял?

Ответ: Это трудно объяснить словами, однако попробую разъяснить на примерах. Допустим, требуются документы и печать, а ящичек, где они хранились, пуст. Ищешь вне его, ищешь сегодня,завтра, когда бы не искал, не находишь. Не находишь, и возникают сомнения: не взял ли их кто, не выбросил ли документы вместе с обрывками бумаги, не потерял ли – делаешь различные предположения. Ничего не найдя, примиряешься [с потерей]. Занимаясь другими делами, постепенно забываешь об этом, и вдруг вспоминаешь [где находятся потерянные документы]. Внезапное озарение[9] не имеет никакого отношения к книгам. Однако сомнения – не украли ли? Не потерял ли? – внезапно рассеялись. Подобно этому, если познаешь сердце, вечер вдруг озарится и весь небосвод внезапно станет излучать сияние.

Односельчанин: Если это так, то как только человек познал сердце, он в этот момент становится мудрецом?

Ответ: Нет, это не так. Если сам лично не занимаешься практикой, мудрецом не становишься. В деле познания сердца различий не существует, однако природные способности и практические результаты различны, у совершенномудрых и мудрецов есть не только возможности, но и реализация этих возможностей. В "Чжун-юне" также говорится: "Кто с легкостью практикует, тот совершенномудрый, кто искусно практикует, тот мудрец" (глава 20). Мы обладаем и слабыми возможностями, и практика также невелика. Необходимо прилагать усилия. Когда познаешь сердце и не можешь заниматься практикой, страдаешь, если же практика так или иначе осуществляется, то ты сам ничем не отличаешься от совершенномудрых и мудрецов.

Односельчанин: Хотя правильный путь должен быть радостным, почему изучение происходит с муками?

Ответ: Например, предположим, два человека несут паланкин. Один человек сильный, другой – слабый. Тот, кто сильный, не прилагает усилий, слабый напрягает силы. Если, напрягая силы, [он] будет нести паланкин, то не будет голодным. Если же не понесет паланкин, то, сделавшись нищим, непременно останется на дороге. Осуществление правильного пути – то же самое. Мы все подобны слабому носильщику паланкина. Напрягая силы и занимаясь практикой, не делаем дурных дел. Поэтому сердце спокойно. Человек, не познавший сердца, всегда страдает...

Односельчанин: Та практика, о которой ты говоришь, есть, вероятно, выучивание 3300 деталей этикета и правильное воспитание достойных манер? Если так, то для такого мужика, как я, это недоступно...

Ответ: Нет, это не так... Практику, о которой я говорил, постараюсь объяснить понятно для тебя. Практика – это когда простой крестьянин встает еще затемно и идет в поле, а вечером, увидев звезды, возвращается домой. Те люди, которые сами трудятся в поте лица, также занимаются [практикой], весной пашут, летом полют сорную траву, осенью убирают урожай, стремясь собрать с полей все до последнего зернышка. Если стараются, чтобы не было недостатка для [уплаты] ежегодного налога, а на оставшиеся [средства] обеспечить родителей одеждой и питанием и содержать их в полном благополучии, если стремятся без лени во всем прикладывать максимум усилий, лично трудятся в поте лица, хоть и испытывают трудности, не случается ошибок, сердце успокаивается. Когда нет возможности уплатить налоги, как этого хотелось, сердце страдает. То, чему я учу, заключается в том, что если, познав сердце, прикладывать все усилия, испытывая трудности, то сердце обретает постоянное спокойствие. Если, познав сердце, [в соответствии с этим] действовать, то сами собой манеры станут достойными, воцарится чувство успокоения и сомнений не будет...

Односельчанин: Допустим, [некто] познал правильный путь, но не приступил к дальнейшим упражнениям, это [знание] в нем долго не останется, не так ли?

Ответ: Не приступившие к дальнейшим действиям люди, вероятно, сразу не совершают дурных дел. Однако, так как нет результатов действий, сердце, направленное на страсти, и сердце, направленное на истинный путь, перепутываются так, что их невозможно разделить... Если познаешь правильный путь, то начинать его осуществлять [надо] сразу. Однако для успешного осуществления практики и вступления на правильный путь требуется много времени. Поэтому Мэн-цзы говорил, что особенно важно сначала познать изначальную природу. Сейчас я, создавая свое собственное учение, следую за мыслями Мэн-цзы. Какой попало путь я распространять не собираюсь. Мэн-цзы объяснял: "Если, исчерпав сердце, познать изначальную природу, то познаешь Небо" (Исчерпание сердца, 1). Это учение составляет основу моего учения.

(КНИГА I.
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ В ГОРОДЕ И ДЕРЕВНЕ)

...Руки и ноги используются в помощь устам. Почему? Потому, что если уста не съедят нечто, руки и ноги не смогут работать. Поэтому тяжко трудясь на протяжении всей жизни, хоть и используются руки и ноги ради уст, они ничуть не жалуются, верно отдают, служа устам, все силы. В службе императору необходимо брать в пример то, как руки и ноги используются ртом. Еда подданных – это жалование, предоставляемое императором. Если бы этого жалования не было, как бы они смогли жить?! Вверив себя императору, став телом императора, не пытаясь выделить свое собственное [тело] – это и есть путь подданного. Если не служить своим телом императору так же, как руки и ноги подчиняются рту, считайте, что это – неверность...

(КНИГА I.
ГЛАВА, В КОТОРОЙ СПРАШИВАЮТ
О ПУТИ ВОИНА)

Один торговец спросил: Я не понимаю, каким образом торговцы, которые сделали своим ежедневным делом куплю и продажу, могут соблюдать правильный путь человека? Разве хорошо зарабатывать на жизнь куплей и продажей?

Ответ: Если говорить о происхождении торговцев, то оно берет начало со взаимного обращения вещей – в древности люди меняли вещи, которые имели в излишке, на недостающие вещи. Торговцы, изо дня в день ведя точный подсчет, ни к одной монете не относятся небрежно. Накапливая небольшие выгоды[10], создавать собственность[11] – это путь торговца. Люди, руководствующиеся собственностью, – это люди страны. [Они] обладают одинаковым сердцем с сердцем народа, предполагают каждую свою монету использовать на великие дела... Таким образом, хотя таким путем собственность становится подобна горе, этих людей нельзя считать жадными.

(КНИГА I.
ГЛАВА, В КОТОРОЙ СПРАШИВАЮТ
О ПУТИ ТОРГОВЦА)

Человек из Макигава: Семь-восемь из десяти человек, которые занимаются учением, не заботятся ни о торговом деле, ни о земледелии, считают себя выдающимися и презирают других людей... Хотя они и не проявляют непочтительности к родителям, однако порой смотрят на родителей с таким видом, будто те неграмотные, кроме того, родители,со своей стороны, стесняются своих хоть немного ученых детей, таково положение дел. Поэтому, опасаясь такого рода затруднений, мы не пошлем своих детей в Киото. Что Вы думаете об этом?

Ответ: Если тебя послушать, получается, что эти так называемые ученые люди восстали против общечеловеческого пути. Правильное учение – это то, что разъясняет всеобщий человеческий путь... Путь учения состоит, во-первых, в правильном поведении, в том, чтобы следуя справедливости, почитать императора, с любовью и верностью служить родителям, без обмана относиться к друзьям, любить всех людей, относиться к бедным с состраданием, совершая подвиги, не кичиться ими, быть скромным во всем от одежды до домашней утвари, избегать роскоши... Прежде всего, познание правильного Пути – есть понимание того, что ты сам как ты есть – вещь достаточная, и отсутствие желания чего-либо иного, в этом заключается благо учения... Наше сегодняшнее положение – это назначение Неба... Если понять суть этого, то не появится пренебрежительного отношения к своей службе... Конфуцианство, называемое влагой, орошает. При орошении самого себя необходимо знать, что оно не может происходить иначе, чем через сердце... Сердце людей человеколюбия есть одно целое со всеми вещами

мира. Каждая вещь есть не что иное, как собственное тело такого человека. Если бы разнообразные вещи были бы собственным телом, то не было бы ничего невозможного. Если сердце не познано, то мир и ты сам – разные вещи, в этом случае нельзя сказать, что единая пневма[12] все пронизывает. Это подобно рукам и ногам больного параличем. Сердце совершенномудрого проходит скозь разнообразные вещи мира. Вообще, если учишь людей, но не постиг этого сердца совершенномудрых, в соответствии с каким примером можно сделать правильными сердца учеников?..

Человек из Макигава: Значит, ты учишь, познав сердце? Что собой представляет познание сердца?

Ответ: Объяснить сердце на словах я не в состоянии. Попробую объяснить сущность сердца посредством других людей. Например, говорят, что, будучи подобным драгоценному зеркалу, [оно] отражает верх, низ и четыре стороны. Такова "ясного зеркала тихая гладь", о которой говорил Мэн-цзы. Также существует объяснение сердца через его действие. В "Мэн-цзы" говорится "Роль сердца состоит в том, чтобы управлять мыслями. Голодая, думают о пище, если испытывают жажду, думают о питье" (Гао-цзы, ч. 1). В "Лунь-юе" так сказано: "Когда видишь предмет, думаешь, что он стал отчетлив, когда слышишь слова, думаешь, что понимаешь, когда видишь человеческое лицо, то думаешь, что уважаешь [этого человека]" (Цинь-ши). Вообще говоря, сердце совершенномудрого представляет собой одно целое с Небом и Землей и 10 тысячами вещей. Это непередаваемо словами. Не остается ничего кроме как понять самостоятельно. В "Ши цзине" есть такие слова: "Поскольку существуют вещи, существуют установленные правила отношений между ними" (Великие оды). Если говорить об отношениях между отцом и сыном, то, что [дает возможность] отцу любить сына – есть сердце отца, а то, что [дает возможность] осуществлять сыновний долг – есть сердце сына и во всем остальном также. Это легко понять, однако пока не испытаешь открывающееся вмиг просветление, когда все сомнения полностью исчезают, правильно понять невозможно. Это просветление есть то, что впервые открывается, если твердо поверишь, оно не может быть передано по наследству детям от родителей. Учитель также не может передать [это] ученику. Лишь если самостоятельно познаешь, учитель это одобрит. Этот момент ни Кун-цзы, ни Мэн-цзы на словах не могли объяснить. Однако в "Лунь-юе" говорится: "Хотя Небо ничего не говорит, времена года сменяют друг друга, различные вещи появляются" (Ян-хо). Согласно сказанному, истинный путь сам собой проявляется. Хотя Кун-цзы и объяснял таким образом, немногие обратили внимание на смысл его слов: "Времена года меняются, различные вещи рождаются" В "Чжан-цзы" сказано: "Не познав сердца совершенномудрых, читать их книги все равно, что лизать рисовую водку, не будет настоящего вкуса" (Небесное Дао). Что касается подлинного вкуса, то это подобно тому, как бочкарь делает обруч: "если сделает слишком свободный, то он будет легко надеваться [на бочонок], но держать не станет. Если слишком узкий, то не будет подходить. Невозможно объяснить на

словах как сделать так, чтобы руки чувствовали меру, чтобы получалось не слишком свободно и не слишком узко" (Небесное Дао) – интересно сказано. Учить [людей], не познав сердце, – подобно тому, как если бы бочкарь стал вырезать обруч, опираясь на услышанное. Если сердцем не поймешь, то хоть и сделаешь бочку, вода [станет] протекать и бочка окажется непригодной. В отношении пути конфуцианского учения – то же самое. Поэтому познание сердца – основное... Однако, даже пока не познано изначальное человеческое сердце, не существует различий между людьми. Образно говоря, это подобно воде. Совершенномудрые подобны водам большого моря, оно пропускает по своей поверхности большие суда, пускает в оборот деньги и ценности по всей стране, кормит всех людей. Мудрецы подобны водам большой реки, они способствуют циркуляции денег и ценностей одной провинции и кормят одну провинцию. Такие, как мы, маленькие люди подобны водам маленьких рек, орошают рисовые поля 5–7 городов. Есть различия в степени помощи людям, однако сколько в большое море не лей, оно останется тем же самым. При познании сердца, хотя и есть различия между высшим, средним и низшим [уровнем], на пути достижения [состояния] мудрецов, когда непрерывно учишься, наконец, достигаешь состояния мудрецов...

(КНИГА I.
ГЛАВА, В КОТОРОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАКИГАВА СПРАШИВАЕТ ОБ УЧЕНИИ)

Один дзэнский монах, придя, сказал: Сегодня зашел в один дом, а там, на свадьбе, приготавливая блюда из рыбы и ей подобного, убивают живые существа и, тем самым, нарушают заповедь неубиения живых существ. С радостью отнимать жизнь у живых существ – это постыдно и безжалостно для мирянина.

Ответ: Изучая буддийское учение, стыдно, зная "Малую колесницу", не знать "Большой колесницы"[13].

Буддийский монах: Это вовсе не означает, что [я] не знаю. Согласно буддийскому учению, наиболее важно прежде всего остерегаться пяти основных грехов: убийства животных, воровства, прелюбодеяния, лжи и пьянства. Среди них грех убийства живых существ – самый тяжкий. Если говорить о конфуцианском учении, то среди пяти постоянств – милосердия, справедливости, учтивости, мудрости и искренности – это подобно милосердию. Хорошо ли, если конфуцианец нарушает милосердие? Хотя вы и говорите о конфуцианском учении, вы не знаете смысла милосердия, похоже, вы не понимаете сердца мудрецов и совершенномудрых.

Ответ: Милосердие – это обладание добродетелями любви и отзывчивости, это неимение собственного сердца... Вы, изучая дзэн, похоже, не познали истинного смысла дзэнского учения. Ведь китайский настоятель Нань-цюань зарезал кошку, настоятель Си-цзы, говорят, ловил и ел раков[14]. Если судить по таким действиям, то эти дзэнские монахи – плохие монахи, нарушившие заповедь "не убий", и все они должны были быть изгнаны. Однако совершаемые Вами каждый день убийства бесчисленны.

Прежде всего утром Вы съедаете рисовых зерен столько, что трудно сосчитать.

Дзэнский монах: Зерна не имеют сердца. Это нельзя назвать убийством.

Ответ: Согласно учению "Великой колесницы", разве можно пытаться выделять не имеющих сердца! Если считать, что различия есть, то придется признать, что травы, деревья и вся территория страны не обладают природой Будды. В "Нихонсёки" в "Эпохе богов" "Идзанагино" микото сказал: "Я в один день убью тысячу человек той земли, которой ты управляешь", Идзанами-но микото ответила[15]: "Я велю родиться в один день 1500 человекам" Эти два бога – есть боги инь и ян. Во вселенной существуют лишь два процесса – рождение и смерть. И что бы ни делалось сегодня, все подчиняется этому. Все вещи подчиняются этому единому закону, однако здесь существует важное разделение [на два], хорошо, когда этот порядок не нарушается. Нельзя не понять, что следуя этому принципу, Вселенная движется. Сильные побеждают, слабые терпят поражение – это естественный закон. Если вы хотите увидеть близкий вам пример, взгляните на зверей и птиц. Орел и куматока ловят и едят других птиц и домашних животных, а бакланы и цапли ловят и едят рыб. Собаки и волки едят оленей и обезьян. Следует ли это считать убийством или это следует считать осуществлением естественного закона Неба и Земли, или может быть это есть нарушение заповедей и принципов Неба и Земли! В самый разгар летней жары, через один-два дня после того, как очистили рис, рождаются рисовые червячки. Хотя эти червячки подобны мельчайшим пылинкам, если в рис запустить руку, то почувствуешь зуд... Монах, соблюдающий буддийские заповеди, летом не может есть рис. А если не будет есть, то рано или поздно умрет... Если разом поймешь, что это тело есть одно целое с землей, водой, огнем, ветром, воздухом, то вы сами тоже станете единым целым с миром. Однако, что ценнее – рисовый червь или человек? Помогая крайне ничтожному червяку, невозможно убивать абсолютно ценного человека. Сущность Будды, не имея сердца, проявляет благоразумие. Рисовые зерна, наполненные рисовыми червячками, составляющими самого Будду, должны поедаться. Ради ценных вещей, жертвуются незначительные, этого нельзя избежать. Это и лежит в основе заповеди "не убий" Если познаешь принцип Неба, легко следовать заповедям... Небесный принцип порождает различные существа, одна часть рожденных существ кормит другую часть рожденных существ, одна часть рожденных существ поедает другую часть рожденных существ. Хотя принцип, которым Небо наделило различные существа, изначально одинаков, существует различие между их видами по ценности. То, что более ценные существа поедают малозначительные – это принцип Неба. Учение Будды гласит: "Травы, деревья и вся страна суть Будда"[16]. Все существующее – есть Будда. Здесь также существует разделение вещей на ценные и неценные. В мире установлено, что ценные человеко-будды поедают неценные – начиная с рисовых червячков-будд и плодов-будд и кончая водой и огнем-буддами... Если вы говорите, что, полагаясь на

"Малую колесницу", совсем не убиваете живых существ и едите только то, что не имеет сердца, то слова Будды "Травы и деревья, страны и земли суть Будда" ложно. Если оно ложно, то следует порвать и выбросить все сутры, содержащие буддийское учение. Если же не выбрасывать сутры, а принять их, то в вашем случае, поскольку большой будда поедает малого будду, в убийстве ошибки нет.

(КНИГА II.
ГЛАВА, В КОТОРОЙ ДЗЭНСКИЙ МОНАХ
ОСУЖДАЕТ УБИЕНИЕ ЖИВОТНЫХ МИРЯНАМИ)

Один ученый спросил: И я люблю учение, и ты создаешь и распространяешь учение. Так как путь учения есть путь совершенномудрых, то ни у тебя, ни у меня [оно] не должно различаться. Однако сунское учение, которое сходно с учениями Лао-цзы и Чжуан-цзы и учением дзэн, отличающимися от сердца Кун-цзы и Мэн-цзы, придает большое значение "принципу" Поэтому я что-то не совсем понимаю. Вы, следуя комментариям Чжу-Си, уверены, что распространяете истинный замысел Кун-цзы и Мэн-цзы. Расскажите о том, чему Вы учите... Прежде всего в обучении других людей что Вы считаете самым главным?

Ответ: Суть учения заключается в следующем: глубоко исследовав сердце, познать истинную природу человека. Если познаешь изначальную природу человека, познаешь Небо. Небо и есть сердце Кун-цзы и Мэн-цзы, если познаешь сердце Мэн-цзы, оно не будет отличаться от сердца сунских конфуцианцев. Так как они не отличаются ничем друг от друга, то комментарии также, естественно, истинны. Если познаешь сердце, то поймешь, что принцип Неба в нем заключен. Нет ничего более важного, чем действовать, не противореча Небесному велению.

Ученый: Вы называете "принцип" – "велением" Это совершенно неверно. "Принцип" – это смысл, находящийся на поверхности вещей. Однако они живут не только потому, что это есть суть, переданная всем вещам. Что касается "веления", как говорится в "Шуцзине", "Небесная Воля меняется" (Летопись Чжоу), поскольку существует спускаемое Небом веление, живые существа обладают свойствами. Таким образом, "принцип" и "веление" различаются. Почему же, несмотря на это, мертвые вещи и живые вещи составляют единство?

Ответ: ...Для человека, делающего первые шаги в учении, необходимо прежде всего познать различие важного и второстепенного. Второстепенное трудно постичь. После того, как сначала возникли Небо и Земля, появились вещи, после возникновения вещей были созданы имена. После того, как были созданы имена, были созданы иероглифы и эти имена стали записываться... Однако, пока для вещей еще не было создано имен, не было иероглифов, существовал принцип Неба. Даже слово "Путь Неба" – также созданное людьми имя. Слушайте внимательно имена вещей, которые я произношу. Еще Кун-цзы называл основой милосердие. Лао-цзы говорил, что Великое Дао является основой милосердия. И Дао и милосердие суть два имени. Невозможно с помощью

иероглифов оспаривать, какое [из них] основное. "Не имеющие ни голоса, ни запаха", определяющие сущность всех вещей, временно называется или "цянь", или "Небом", или "Дао", или "принцип", или "воля", или "природа", или "милосердие" Все это есть единая вещь... Попробуйте разделить иероглифы. Хотя существуют два имени, называемые "принцип" и "веление", на самом деле понятно, что это – единая вещь. Образно говоря, это то же самое, что река и омут. То, что течет, называется рекой, то, где накапливается вода, называется омутом. Принцип подобен омуту, веление – реке. Единая вещь, однако [в ней] есть и движение, и покой. В "Лунь-юе" говорится: "Кун-цзы сказал, что осуществление дао, так и неосуществление дао – все есть воля Неба" В "Мэн-цзы" также говорится; "Все [происходящее] есть воля Неба" (Исчерпание сердца, ч. 1). Так как и Мэн-цзы и Кун-цзы говорили, что и осуществление дао, и не осуществление дао, и спокойствие, и беспорядок в стране – все есть Небесное веление. "Веление" это имя, указывающее на осуществление [воли] Неба в целом, "принцип" – это не что иное, как его суть... Хотя и существует разделение на инь и ян, твердое и мягкое, милосердие и справедливость, конечный принцип Неба–Земли–человека един. Это есть принцип жизни, те, кто это выявил, – совершенно-мудрые... Иероглифы – это всего лишь то, что было создано спустя миллиарды лет после появления Неба и Земли. Если сравнить их с бесчисленными действиями, осуществляемыми Небом, то они не составят и одной десятитысячной доли. Эти доводы необходимо знать – приверженность к иероглифам подобна слизыванию осадков истины. Какие бы теории не создавались, с помощью иероглифов до конца все высказать невозможно. Итак, сущность Неба и Земли – вещь, не связанная с иероглифами, превосходящая жизнь и смерть, неизменная ни сейчас, ни в прошлом. Так как "веление" есть действие этой сущности, то это есть нечто постоянно движущееся и изменяющееся. Поскольку "принцип" есть сущность, он не движется. Иероглифы подобны инструментам, которые делают понятными вещи и действия, происходящие в мире. "Принцип" – их основа...

(КНИГА II.
ГЛАВА, В КОТОРОЙ ОДИН УЧЕНЫЙ СПРАШИВАЕТ ОБ УЧЕНИИ ТОРГОВЦА)

Один ученый спросил: Мэн-цзы говорил, что природа благá, Гао-цзы говорил в отношении природы, что она "если не благá, то и не дурна" – это, вероятно, одно и то же... Вы говорите, что Мэн-цзы прав, а Гао-цзы ошибался. Почему так?

Ответ: Вы не поняли. Прежде всего Гао-цзы, говоря "не благое и не дурное", ограничивался лишь размышлением. Хотя он и искал собственную изначальную природу, не мог отличить благое от не-благого, поэтому его "характеристика природы" как ни благой, ни не-благой есть результат рассуждений. Благая природа Мэн-цзы едина во Вселенной. Даже когда человек спит, то, что бессознательно движется, есть дыхание.

Инь-ян Неба и Земли входят и выходят из его тела, движение различных форм видов вещей есть распространенная во Вселенной пневма. Собственное тело и Небо и Земля составляют абсолютно единое тело. Будучи пронизана этим законом, природа человека благá. Это естественно поэтому совпадает с "И-цзином" Однако это трудно понять. Молча хорошенько об этом подумайте. "И-цзин" объясняет, опираясь на естественность, что все есть явления без сердца. Не имеющие сердца инья и ян временами движутся, временами затухают. Следование этому движению и покою есть то, что называется благом. Невозможно объединять этот неуловимый момент и рассудительность Гао-цзы[17] Различия огромны. Благая природа, о которой говорится в "Мэн-цзы", есть путь Неба, превосходящий жизнь и смерть. Слова и размышления Гао-цзы можно рассматривать как подобные рождению и исчезновению. Хоть это и кажется простым, на деле – труднопостигаемое положение. С помощью рассудочности его познать невозможно... Люди в мире, читая книги, не знают этой благой природы. Человек, читающий книги и не знающий благой природы, подобен больному. Здоровый человек, почувствовав вкус приятный еды, обрадуется, человек же, у которого жар, хоть и будет есть вкусную пищу, не будет рад, так как не разберет ее вкуса. Люди, не познавшие благой природы, подобны этому. Они, хоть и читают книги, не понимают их смысла. Наоборот, они думают, что [представление] о "благом сердце" Мэн-цзы ошибочно... Брать за отправную точку мысль, что в [человеческой] природе нет ни блага, ни не-блага – незначительная ошибка, однако место, в которое прибудешь [в таком случае] окажется удаленным от цели на тысячу ри. Путь совершенномудрых исчерпывает принцип Неба и Земли. Во Вселенной [досл. – на Небе и Земле) ясно присутствуют чистое и мутное. Небо чистое, Земля – мутная. И в прозрачном Небе и на мутной Земле куда ни глянешь не увидишь ничего кроме рождающихся и растущих вещей. Хотя у Неба и Земли нет сердца, то, что различные вещи рождаются, остается неизменным и в древности и теперь. Продление этой жизни – благо... Небо и Земля живут и в то же время не живут. [Небо и Земля] соединяют в себе два [момента] – жизнь и смерть, [это] есть сущность всех вещей. Это в качестве временного обозначения называют "принцип", "природа" и "благо". Если сопоставить Небо и Землю с человеком, то сердце, будучи неоформленным, соответствует Небу, форма, доведенная до завершения, соответствует Земле. Вдох и выдох суть инь и ян, осуществление дыхания есть благо. Производитель действия есть природа. Если таким образом взглянуть на человека в целом, то он есть одна маленькая Вселенная (досл. – Небо и Земля)...

Ученый: Понятно, что Небо и человек есть одно целое. Однако не могу постичь того, что мое собственное тело совпадает с Небом и Землей. Вам-то это понятно? Трудно высказать словами то, с чем не можешь согласиться, однако что это такое?

Ответ: в "Шуцзине" говорится: "Небо смотрит как смотрят люди, слушает, как слушают [люди]" ("Летопись Чжоу"). Сердце Неба есть люди, сердце человека есть Небо. Это на протяжении веков остается неизменным. Кто твой сегодняшний собеседник?

Ученый: Вы находитесь напротив меня.

Ответ: Я – одна из огромной массы вещей. Огромное количество [вещей] – рожденные Небом дети. Как бы могло родиться сердце, если бы ему не противостояли десять тысяч вещей?! Десять тысяч вещей и есть не что иное, как сердце.

Ученый: Слушая объяснение о единстве Неба и человека и благой природе, я хоть и думал, что на самом деле так и есть, но сердцем понять не смог. Почему вы не побудили меня думать хотя бы с незначительным интересом?

Ответ: Это хороший вопрос. В "Записках от скуки" (§ 38) также говорится: "Что узнаешь от других людей не является подлинным знанием" Сейчас хоть Вам и показалось, что Вы поняли, – это еще не есть подлинное понимание. Поэтому нет интереса. Человек, который действует, желая познать природу, старательно думает и утром и вечером о том, что не может осмыслить, прилагая усилия, спрашивает себя: "Что это может быть? Что это такое?", вдруг неожиданно прозревает. Если сравнить с чем-либо радость, [которую человек испытывает] в этот момент, то можно сопоставить, например, с тем, как если бы умершие родители воскресли и вновь появились, но изменившись. В древние времена была написана картина, передающая высший момент этой радости, она изображает несшего тяжелую ношу дровосека, отдыхающим, опершись на палку... Эта радость различна в зависимости от степени предшествующих ей усилий...

Ученый: Совершенномудрые знают от рождения. Такие, как Вы, люди знать не могут. Почему несмотря на это легко разделяются мудрость и знание совершенномудрого и самодовольные мудрость и знания низкого человека?

Ответ: Для Вас вероятно легко отличить белое от черного. Подобным же образом дело обстоит и с различением знания совершенномудрого и индивидуального знания... Индивидуальное знание – это постоянно накапливаемые человеческие размышления. Это – неестественное знание... Превосходство знания совершенномудрого состоит в том, что он делает свое сердце сердцем противостоящей ему вещи. Отражение [в сердце] противостоящих вещей без искажения подобно отражению в светлом зеркале или спокойной воде. Сердца [обычных] людей такие же, однако, будучи окутанными и затуманенными семью чувствами: радостью, страхом, грустью, робостью, любовью, злостью, желанием, [они] думают, что знание совершенномудрых и собственное сердце различны, от непонимания возникают различные сомнения. Следует полагать, что вещи, имеющие форму, обладают сердцем прямо, как эта форма... Внимательно присмотритесь к птицам и животным! Лягушка от природы боится змеи. Родители-лягушки не учат детей-лягушат: "Змея вас поймает и съест – это страшно", дети-лягушки, усвоив это, вероятно, не передают это из поколения в поколение. Если родятся в виде лягушки, то боязнь змеи происходит от того, что форма есть соответствующее сердце. Если говорить о других примерах, то [обратим внимание на] блох, насекомых, которые появляются и присасываются к человеческому телу, как только

наступает лето... Разве родители-блохи учат своих детей: "Кусай человека, а как только приблизится человеческая рука, сразу улетай. Если не успеешь, то отберут твою жизнь"? Убегание – это хоть и не усвоенное, но происходящее благодаря форме действие. В "Мэн-цзы" говорится: "Облик человека – это природа, скопированная с Неба. Лишь совершенномудрые способны осуществлять форму" Реализация формы – это четкое прохождение по пути пяти постоянств. Тот, кто не может жить, следуя форме, – низкий человек. Звери и птицы, наоборот, не имея самодовольного размышления, следуют форме. Это – естественный закон. Совершенномудрые знают его...

Ученый: Конфуцианцы ненавидят буддийское учение, называя ересью. В чем их ошибка?

Ответ: Ересь – это различие в деталях. В конфуцианском учении пять постоянств – милосердие, справедливость, мудрость, ритуал, верность и пять отношений – между господином и слугой, отцом и сыном, мужем и женой, старшим и младшим братьями, друзьями составляют Путь Неба. Путь Неба и путь человека совпадают. В учении Будды путь пяти постоянств и пяти отношений не разъясняется, по внешнему облику оно не одинаково с конфуцианским учением. Поэтому и называется ересью. Пусть даже конфуцианец толкует древние конфуцианские книги, если он не познал собственного сердца, он учит, не опираясь на сердце совершенномудрых, мысля самонадеянно. Это тоже не что иное, как ересь. Однако то, что создали ученики совершенномудрых, не называется ересью, но все же в действительности приближается к ней. Если познаешь сердце, когда наступит время, то станешь одинаковым с нашим конфуцианским учением. Итак, если спорить о двух путях – буддизме и конфуцианстве – с точки зрения главного и второстепенного, то дело становится сложным для понимания. В обоих случаях, если говорить об основном, то самое важное – это понять природу и принцип. Прежде всего, если взять буддизм, то школа Тэндай, нанося удары по ложным религиям, старалась объяснить мир. Сингон толковала о законе нерождения не-исчезновения, школа дзэн проникала в изначальное человеческое сердце. Кроме того, в школе Нембуцу говорили о единении "я" и буддийского закона. В школе Нитирэн говорили о самом непревзойденном в"Лотосовой сутре". Таким образом, хоть названия и различаются, достигнутые результаты одинаковы. Например, в "Сутре о вечности" так говорится: "Будда, обращаясь к боддисатве Мондзю, говорил: суть Будды без сердца и мыслей загадочна, нет ни рождения, ни разрушения, ни разделения на "тело закона", "тело превращения", "тело соответствия", нет "лестницы десяти миров" Однако это не есть название ничего ничем. Это – истинный закон. Это – не что иное, как прозрение истинного закона. Если наступает просветление, то заблуждения относительно рождения и смерти рассеиваются. Если заблуждения в отношении рождения и смерти не рассеиваются, то [такой человек] не может стать руководителем школы. О наивысшем моменте "природе-принципе" в конфуцианском учении "Чжун-юн" так разъясняет: "Небо не имеет ни голоса, ни запаха" (§ 33) Если познаешь свое собственное сердце, то

больше не различаешь буддийское и конфуцианское учения. Например, предположим, есть люди, которые шлифуют зеркала. Если такой человек искусен, то он отшлифует зеркало, какой бы шлифовочный материал не использовался. Этому подобно использование конфуцианства и буддизма – они также есть инструменты для полирования вашего сердца. После полирования приверженность к средствам смешна... Нелепо думать, что при обучении под руководством буддиста сердце становится чем-то особенным. Среди буддистов много дзэнских монахов, которые первоначально занимались конфуцианским учением. И я не слыхал примеров, чтобы конфуцианские книги, став препятствием, затрудняли постижение буддийских идей. В отношении конфуцианцев дело обстоит так же. Что станет помехой конфуцианцу, если он познает свое сердце, используя в качестве инструмента буддийский закон... Говорят, что "просветленный человек рассеивает иллюзии всего человечества" Если рассеять иллюзии, то происходит возврат к своему изначальному состоянию, мир станет проявлением лишь одного единственного сердца. Дав имя субстанции рассеянных иллюзий, обозначили ее природой Будды. Природа Будды – это сущность Неба, Земли и человечества. Самое важное то, что не существует буддийского закона, кроме познания природы. 28-й после Будды великий [патриарх] Дхарма проповедовал, что природа есть Будда. В [соответствии с] конфуцианским учением также "Основа Пути исходит от Неба" Поэтому «Воля Неба называется "природа", следовательно природе есть Путь человека» (Чжунъюн). То, что называется "природа", есть сущность Неба, Земли и человека. Сердце, просветленное в синто, конфуцианстве или буддизме, неизменно. Какой бы способ ни использовался, все они приводят к познанию сердца... Если достигнуть природы Будды, то станешь над общими представлениями о Небе и Земле, не будет нужды в привязанностях к ложным именам. Однако это не есть удаление в иной [мир] по отношению к Небу и Земле...

Здесь один человек сказал: "Вы полностью не ответили на вопросы этого гостя. Я слышал Ваши ответы. В "Мэн-цзы" (Гао-цзы, 1) говорится: "Нет другого пути учения, кроме поисков собственного благого сердца", и в то же время говорится: "Сердце совершенномудрого есть не-сердце" Если нет сердца, то нет необходимости его искать и познавать. Если собираться искать истинное сердце, то учение об отсутствии сердца неверно... Объясните пожалуйста.

Ответ: Порождение вещей есть сердце Неба и Земли. Порожденные вещи получают сердце Неба и Земли как свое собственное. Это сердце, будучи окутано страстями, потеряно из виду. Поэтому, когда собираются возвратиться к сердцу Неба и Земли, познав свое сердце до конца, говорят, что "ищут изначальное благое сердце" Если, отыскав, обрели его, то оно стало сердцем Неба и Земли. Когда объясняют состояние, при котором [сердце] стало сердцем Неба и Земли, то говорят "без сердца" Небо и Земля, хоть и без сердца, четыре времени года сменяются, десять тысяч вещей порождаются. Хотя совершенномудрые, получив сердце Неба и Земли, не имея собственного сердца, "бессердечны", челове-

колюбие, справедливость, ритуал и мудрость осуществляются. Если внезапно откроется просветление, сомнения исчезнут. Следует думать, что толкование пути совершенномудрых – есть то, что возможно после познания этого сердца.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Истинная природа" (яп. "синсё") и "изначальная природа" (яп. "Хонсё") употребляются Исидой Байганом как синонимы.

[2] Цитаты из классических китайских произведений здесь и далее даются в том виде, в каком они приводятся в текстах самого Исиды Байгана.

[3] Чжоу-гун (ум. 1105 г. до н.э.) – младший брат У-вана, основателя династии Чжоу (1027–247), создатель ритуала и церемониала эпохи Чжоу.

[4] Имеются в виду закономерности, присущие отдельным вещам, которые являются аспектами единого универсального "принципа" (яп. "ри", кит. "ли"), лежащего в основе всего мироздания.

[5] Понятие "Небесное веление" (яп. "тэнмэй", кит. "тянь-мин") обозначает в конфуцианской философии созидательную волю неба, заполняющую всю вселенную и создающую изначальную природу человека.

[6] *Хуэй-нэн* (637–713) – 6-й патриарх чань-буддизма. Бодхидхарма – легендарный монах, по традиции считающийся основателем школы чань. Он признается первым патриархом чань-буддизма и в то же время – 28-й буддийским патриархом, стоящим в цепи патриархов, начало которой дал Гаутама.

[7] *Фуси и Шэньнун* – мифические древнекитайские правители, которые жили в 3 тысячелетии до н.э. Фуси по преданию начертил 8 триграмм, описывавших различные явления во Вселенной. Шэнь-нун якобы умножил эти восемь триграмм, превратив их в 64 гексограммы.

[8] Яп. – "дзикко".

[9] Яп. – "сатори".

[10] Яп. – "ри".

[11] Яп. – "дзайсан".

[12] Словом "пневма" принято переводить понятие китайской философии, обозначающее единую мировую психофизическую субстанцию (кит. "ци", яп. "ки").

[13] Имеются в виду Хинаяна и Махаяна – два основных направления в буддизме.

[14] *Нань-цюань* (748– 839), Си-цзы.

[15] Идзанаги но микото и Изданами но микото – мужское и женское божества, которые, согласно синтоистской мифологии, первыми опустились с Небес и породили восемь японских островов и других богов.

[16] Этот тезис характерен для большинства сутр махаяны. Наиболее полно он выражен в "Аватамсака-сутре".

[17] Гао-цзы – древнекитайский мыслитель IV в. до н.э.